

Польская тема в публицистике Николая Лескова

А. А. Тесля

Для цитирования: Тесля А. А. Польская тема в публицистике Николая Лескова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 843–857.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.402>

Николай Семенович Лесков (1831–1895) — один из наиболее известных русских писателей XIX столетия, признанный классик русской литературы. Однако собственно публицистика Лескова, которая занимает огромное место в его литературном творчестве 1860-х гг., именно применительно к этому периоду изучена, согласно конвенциональному мнению, явно недостаточно. В силу целого ряда обстоятельств долгое время она оставалась на периферии исследовательских интересов, а в тех случаях, когда попадала в сферу внимания, преимущественно оказывалась материалом для интерпретации художественного наследия. В настоящей работе предпринят опыт рассмотрения «польской темы» в публицистике Лескова 1860-х гг., прежде всего в серии статей «Из одного дорожного дневника» (публиковались в 1862 г. в газете «Северная пчела») и серии очерков «Русское общество в Париже» (1863 г., журнал «Библиотека для чтения», существенно переработанная версия — 1867 г.). Публицистический стиль Лескова изменчив (в том числе в узких границах 1862–1867 гг.), он отличается сложностью высказывания, приближающейся по своим характеристикам к собственно художественному тексту, но не тождествен ему. Не претендуя на исчерпывающий характер рассмотрения даже означенных текстов, мы намечаем основные сюжеты и проблемные пункты как пролегомены к долженствующему быть предпринятым исследованию. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что Лесков в 1862–1864 гг. вместе со значительной частью русского образованного общества переживает быструю и значимую для последующего полувека Российской империи эволюцию, воспринимая как собственную национальную рамку мышления и обретая (рефлексивно) аффективную связь с национальным сообществом. Это вновь подтверждает тезис о принципиальном значении 1863 г. для русской истории, все многообразие последствий которого, в том числе в рамках интел-

---

Андрей Александрович Тесля — канд. филос. наук, ст. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ст. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. А. Невского, 14; mestr81@gmail.com

Andrey A. Teslya — PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, St. Petersburg University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, ul. A. Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russian Federation; mestr81@gmail.com.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

лектуальной истории разной длительности, во многом является лишь перспективой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Герцен, имперская политика, Литва, национализм, нацистроительство, нигилизм, поляки в Российской империи, славянский вопрос, Царство Польское.

The Polish Theme in the Journalism by Nikolai Leskov

A. A. Teslya

For citation: Teslya A. A. The Polish Theme in the Journalism by Nikolai Leskov. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 4, pp. 843–857. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.402> (In Russian)

Nikolai Semenovich Leskov (1831–1895) is one of the best-known Russian writers of the nineteenth century and a recognized classic of Russian literature. However, Leskov's journalism proper, which comprises a significant amount in his oeuvre in the 1860s, has been under-researched primarily in relation to this period, and for a long time has remained outside the scope of scholarly interest, and when it has been studied, it has been used as material for the interpretation of his artistic heritage. This article examines the “Polish theme” in Leskov's journalism of the 1860s, first of all through the series of articles “From a Road Diary” (published in the newspaper “Northern Bee” (“Severnaya pchela”) in 1862) and a series of essays “Russian Society in Paris” (1863, “Library for reading” (“Biblioteka dlia Chtenia”), considerably revised version — 1867). The article does not aim at exhaustive consideration of these texts, but outlines the main aspects and problematic points as a prolegomena for the study which is to be undertaken. It is also noteworthy that in 1862–1864 Leskov, together with a significant part of the Russian educated society, underwent a rapid and significant evolution in the following half-century of the Russian Empire — taking national frame of thought as his own and gaining (reflectively) an affective connection to the national community. This reaffirms the thesis of the fundamental significance of the year 1863 for the Russian history — all the multi-layered consequences of which, including different aspects within the framework of intellectual history of different duration, are in many ways only a prospect for further research.

Keywords: Herzen, imperial politics, Lithuania, nationalism, nation-building, nihilism, Poles in Russian Empire, Slavic question, Kingdom of Poland.

Если литературное творчество Н.С.Лескова имеет большую традицию изучения¹ (не обделена вниманием и его биография²), то публицистика Лескова, в особенности 1860-х — первой половины 1870-х гг., до сих пор остается проана-

¹ В качестве первой монографии о Лескове-писателе можно (пусть и с некоторой оговоркой, поскольку речь идет изначально все-таки о серии статей) назвать работу Аким Вольнского, впервые вышедшую еще в 1895 г. сразу же после смерти Лескова и переизданную в качестве отдельной книги в 1923 г. См.: *Вольнский А. Л.* Н. С. Лесков. Пг., 1923. О работе Вольнского по изучению творчества Лескова см.: *Котельников В. А.* Между ареной и пантеоном: Н. С. Лесков в критике 1890-х — 1910-х годов // *Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении: Аким Вольнский. Н. С. Лесков. Александр Измайлов. Лесков и его время.* СПб., 2011. С. 26–29.

² Первый подробный биографический очерк, посвященный Лескову, выходит уже в 1904 г. См.: *Фаресов А. И.* Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем: с редким портретом. СПб., 1904. Также см.: *Н. С. Лесков в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О. А. Фрибес, А. Е. Зарина и Е. И. Зариной, коммент. Л. И. Соболева; публ. фрагментов дневника С. И. Смирновой-Сазоновой и коммент. Л. С. Даниловой и В. В. Соминой; предисл. А. М. Ранчина.* М., 2018. С. 5 и сл., 614–616.

лизированной весьма неполно³. Большой вклад в изучение публицистики Лескова 1860-х — начала 1870-х гг. внесли прежде всего работы И. А. Видуэцкой и И. В. Столяровой⁴. Благодаря их усилиям в 1960–1980-х гг. был выявлен и систематизирован, а зачастую впервые атрибутирован большой массив публикаций Лескова в периодической печати указанных лет (прежде всего в «Северной пчеле», «Отечественных записках», «Биржевых ведомостях»), а в начавшем выходить с 1996 г. Полном собрании сочинений Лескова⁵ выявленная публицистика была опубликована, составив существенную долю общего массива издания, в особенности первых томов. Однако множество тем и сюжетов публицистики Лескова до сих пор остается в лучшем случае обозначено, а в тех случаях, когда по соответствующим темам есть обстоятельные исследования, то фокус внимания зачастую располагается в области художественной литературы, сосредоточен на переключке и взаимосвязях публицистики и художественного творчества Лескова с преимущественным вниманием к последнему⁶. К числу тем, остающихся поныне слабо проанализированными, относится и польская тема в лесковской публицистике.

Для начала напомним, в каких текстах Лескова 1860-х — начала 1870-х гг. эта тема занимает заметное место. Из числа художественных произведений сюда следует отнести, во-первых, практически все романы Лескова. Польская тема, переплетенная с сюжетом об иезуитах⁷, занимает большое место в первом его романе «Некуда» (1864 г.). Заметную роль, уже в аспекте преимущественно религиозном, католическом («иезуитском») *converso* и потерянности для мира, по меньшей мере прежнего мира существования героя⁸, польская тема играет в «Обойденных» (1865 г.). Большую роль играет польская тема и в череде текстов, которые в итоге привели к созданию самого известного (возможно, после «Левши») произведения

³ См.: Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль, 2018. С. 20–21.

⁴ См., в частности: Видуэцкая И. П. Лесков о Герцене // Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 300–320; Столярова И. В. Лесков и Герцен (Неизвестные статьи Лескова о Герцене в газете «Биржевые ведомости», 1869–1870) // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 165–181.

⁵ Издание продолжается. Главным его редактором вплоть до кончины в 2007 г. был Н. И. Либан.

⁶ Отметим, что вниманием именно к истории общественной мысли отличаются исследования И. П. Видуэцкой (помимо упомянутой выше, см., например: Видуэцкая И. П. Традиции Герцена-художника в творчестве Лескова // Герцен — мыслитель, писатель, боец. М., 1985. С. 89–98), однако эта линия до сих пор остается периферийной.

⁷ О теме «польской интриги» в связи «иезуитами», проблематикой заговора и родственными сюжетами см.: Тесля А. А.: 1) Миф об иезуитах в отсутствие иезуитов // Логос. 2017. № 4. С. 47–64; 2) Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 187–206.

⁸ В прежнем мире для Лескова в этот период лежит «нормальный» (скорее с оттенком именно нормативности, должностности) смысл существования — обыденности, прочности бытового уклада. Эта отсылка к «простоте» и «конкретности», стремление к прочному быту особенно характерны для него в 1860-х, в том числе в связи с житейскими неурядицами и сложностью, запутанностью своего семейного положения в те годы, но она пронизывает самые различные сферы — от крестьянской жизни до уклада образованного общества. К середине 1870-х в этой позиции произойдут существенные изменения, поскольку теперь уже, рисуя с явным любованием традиционный бытовой уклад, Лесков все больше будет одновременно размышлять над странничеством, безбытничеством (см. показательные в этом плане произведения: не только «Очарованный странник» или «Запечатленный ангел», но и в особенности оставшуюся незавершенной и ставшую если не причиной, то поводом к разрыву с М. Н. Катковым хроникой «Захудалый род», 1874).

Лескова — хроники «Соборяне» (1872 г.)⁹, в том числе в первой опубликованной автором редакции — первой части «романической хроники» «Чующие движения воды» (1867 г.). Отметим, что в хронике, как в ранней, так и в итоговой версиях, польская тема приобретает черты, ранее ей не свойственные в творчестве Лескова. Происходит это за счет «Демикотоновой книги» протоиерея Савелия Туберозова¹⁰. А именно: возникает временная глубина, теперь польская тема трактуется не в сугубо актуальном времени¹¹, а обретает историчность, восходит к первым годам после подавления восстания 1830–1831 гг. «Соборяне» окажутся последним большим развернутым обращением Лескова к польской теме. В последующем она уходит на задний план, и, например, появление персонажей-поляков в последующих художественных произведениях Лескова будет продиктовано прежде всего хронологически: его обращением к воспоминаниям молодости, к сюжетам, связанным с пребыванием в Киеве¹². Впрочем, в интересующем нас аспекте скорее «Соборяне» окажутся «запоздавшим» феноменом, обусловленным сложной творческой историей и сохранившим в себе темы, актуальные и характерные для времени формирования сюжетного ядра: к началу 1870-х польская тема уходит из фокуса внимания русского общества¹³. Примечательно, что эта тема играет незначительную роль в двух из трех больших «антинигилистических романах» рубежа 1860-х и 1870-х гг. В романах «На ножах» Лескова и «Бесы» Достоевского речь идет о внутренней логике нигилизма, его перерождении. Третий роман — «Кровавый пух» Крестовского, где польская тема ключевая, — носит характер «современной истории», описывая события пусть и недавнего, но прошлого, а именно событий 1861–1863 гг.

В публицистике Лескова «польская тема» на протяжении первого периода его «вхождения в литературу» будет фактически отсутствовать. Напомним, что Лесков сравнительно поздно начинает печататься. Первые его тексты относятся к 1859–1860 гг., когда им пройден уже большой и многообразный жизненный путь, где

⁹ Об истории создания см.: *Видуэцкая И. П.* [Преамбула к комментарию к «Соборянам»] // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. М., 2012. С. 595–615.

¹⁰ В первой редакции «Демикотонова книга» именовалась «Савельевой синей книгой». См.: Там же. Т. 6. С. 270.

¹¹ Временная глубина «Обойденных», например, не превышает трех с половиной лет. В первой части романа герои читают «известный тургеневский роман» и дальше спорят о нигилизме, так что речь явно идет об «Отцах и детях», впервые напечатанных в февральской книжке «Русского Вестника» за 1862 г., а первая часть «Обойденных» печатается в сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1865 г. См.: Там же. Т. 5. С. 698.

¹² В Киеве, с отъездами и возвращениями, Лесков проживет с 1849 до начала 1861 г. См.: *Богаевская К. П.* Хронологическая канва жизни и деятельности Н. С. Лескова // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 801–803.

¹³ Это происходит прежде всего по объективным причинам, поскольку после подавления восстания 1863 г. и выработки правительственной политики как в отношении Царства Польского, так и в «польском» аспекте юго- и северо-западных губерний Российской империи наступает длительное затишье. Польская шляхта (прежний источник политического беспокойства) оказывается обессиленной и в итоге в целом за отсутствием альтернативы принявшей новый *modus vivendi*, а крестьянская масса, выигравшая от преобразований, не имеет никаких оснований для противоправительственной активности в согласии со шляхтой. Правительственная политика к концу 1860-х гг. обеспечивает надежный антагонизм интересов шляхты и крестьянства. И тем самым вплоть до 1890-х польская тема как внутренняя проблема маргинализируется. Новый подъем начнется уже в 1890-х гг. — по мере роста городских сообществ. См.: *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020; *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.

есть и чиновничья служба, и частная жизнь в компании мужа своей тетки, английского предпринимателя А. Я. Шкотта («Шкотт и Вилькенс»)¹⁴. И входит он в литературу через газетные и журнальные заметки, корреспонденции с мест и знание практической жизни (см. ниже — значение отсылок к непосредственному опыту, знанию народной жизни). Сюжетами «внутренней жизни» — от обозрения бюджета до известной статьи о петербургских пожарах 1862 г. — будут заняты его многочисленные статьи в «Северной пчеле», где он начнет сотрудничать с января 1862 г., одновременно охотно помещая статьи в самых разных других изданиях (включая артельный «Век»¹⁵).

Новейший биограф Лескова М. А. Кучерская справедливо смягчает восходящее к самому Лескову восприятие «пожарной статьи» как «катастрофы»¹⁶. В известном смысле «необратимыми» сделал ее последствия сам Лесков или, точнее, это стало результатом событий, восходящих к скандалу вокруг статьи. Он в итоге начал быстрый дрейф, вылившийся в интересующую нас серию писем о Париже 1863 г. и роман «Некуда», первые главы которого появятся в январском номере «Библиотеки для чтения» за 1864 г. Так что, если судить с точки зрения общественного мнения, то, как после всех уточнений пишет Кучерская, в тех пожарах 1862 г. «сгорел и Лесков»¹⁷, правда, одновременно и родился, уже как писатель, поскольку именно в Париже он напишет свое первое художественное произведение, «Овцебык», а следом, в ближайшие месяцы, «Язвительного», «Леди Макбет...» и целую россыпь других вещей, которые составят его славу.

Лесков получает от редакции «Северной пчелы» командировку с заданием изучить преимущества планируемого строительства Литовской (Белостокско-Пинской) железной дороги, а затем отправиться в «славянские земли» и в Париж. Уедет он из Петербурга 6 сентября 1862 г., прибудет в Париж между 23 и 25 ноября по старому стилю (5–7 декабря по новому стилю) 1862 г., а в марте 1863 г. уже вернется в Петербург. С этим временем будут связаны все основные публицистические тексты Лескова, непосредственно откликающиеся на польскую тему, начиная с путевых писем из Литвы в редакцию «Северной пчелы» и вплоть до серии из трех очерков «в письмах к редактору журнала» из Парижа, адресованных П. Д. Бобо-

---

¹⁴ Вообще о первых почти 30 годах жизни Лескова нам известно до сих пор довольно мало, во многом — из рассказов самого Лескова, но он не оставил автобиографии, а в рассказах из прошлого, даже там, где он вводил «автобиографического персонажа», писатель художественно преобразовывал истории из своей жизни и жизни близких. Майя Кучерская в новейшей биографии Лескова в связи с этим идет на смелый и оправданный шаг. Обращая первую часть повествования в художественное произведение, не давая читателю иллюзии достоверного знания через «сшивание» разнородных фрагментов в мозаику биографического «документального» рассказа, она тем самым отчетливо демонстрирует, что перед ним (читателем) — некое более или менее достоверное знание (*Кучерская М. А. Лесков: Прозёванный гений. М., 2021; см. также рецензию: Тесля А. А. Сопrotивление поэтике своего времени // Историческая экспертиза. 2022. № 1. С. 383–386*). Лакун в биографии Лескова 1831–1861 гг. намного больше, чем твердых точек опоры.

¹⁵ См. о примечательной истории этого журналистского проекта: *Козьмин Б. П. Артельный журнал «Век» (1862 г.) // Русская журналистика. Вып. 1. М., Л., 1933. С. 19–52.*

¹⁶ Так озаглавил соответствующую главу биографии отца его сын, Андрей Лесков: *Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 209.*

¹⁷ *Кучерская М. А. Лесков. С. 165.*

рыкину¹⁸, редактору и владельцу «Библиотеки для чтения», где они первоначально печатались. Впрочем, впечатление это в значительной степени обманчиво, поскольку очерки «Русское общество в Париже» получили радикальную переработку в 1867 г., когда Лесков готовил издание 1-го тома своего собрания «Повестей, рассказов и очерков...», при этом через включение новой временной перспективы — совмещения заметок конца 1862 г. — первых месяцев 1863 г. с суждениями и размышлениями о недавнем времени, намного более поздними, но существенно отличающимися от современных взглядов успешного серьезно измениться автора¹⁹.

Польская тема звучит впервые у Лескова развернуто в «Северной пчеле» в серии статей под названием «Из одного дорожного дневника» (статьи публиковались без подписи в 13 номерах газеты, начало публикации — 10 декабря, последняя статья вышла в номере от 29 декабря). Описывая путешествие от Петербурга до Кракова, время от времени в этих статьях Лесков обращался к изучению условий и целесообразности постройки Литовской железной дороги (по линии Белосток — Пинск) для соединения северо-западных и юго-западных губерний империи. Эпилогом серии стала опубликованная отдельно, уже в 1863 г., статья под заголовком: «Из одного дорожного дневника. Город Краков»²⁰.

Сразу отметим, что в этой серии статей много собственно описательного. Это прежде всего тексты, написанные как путевые заметки с рассказами о землях и людях, в подробностях своих известных мало кому из читателей. При этом, что немаловажно, с этими подробностями и сам автор знакомится впервые, как человек, в первый раз отправившийся в заграничное путешествие.

Одна из важных тем не только этих листков из путевого дневника, но и последующих очерков парижской жизни появляется уже в первой же статье, а именно вопрос о положении женщин. Лесков дает зарисовку дорожного разговора, в котором дама-попутчица беседует со священником, толкуя о правах женщины. Священник допускает ее право «увлекаться» кем-либо:

---

¹⁸ См. воспоминания П. Д. Боборыкина, а также относящуюся ко второй половине 1860-х гг. его пьесу «Скорбная братия», рисующую журналистскую среду первой половины десятилетия: *Боборыкин П. Д.*: 1) Воспоминания: в 2 т. Т. I. М., 1965. С. 355 и сл.; 2) Скорбная братия: драма в пяти актах. М., 2023.

¹⁹ На эту особенность второй редакции очерков прежде всего обрушится в своей рецензии М. Е. Салтыков-Щедрин: «В настоящем, “исправленном и дополненном” издании этих писем беспрестанно попадают рассуждения о таких событиях, которые, во-первых, совершились в России, а во-вторых, гораздо позднее выхода “писем” в их первоначальном виде; как, например, о возвращении г-на Кельсиева и его книге “Прожитое и продуманное”, которая, как известно, напечатана только в прошлом году. Таким образом, выходит, что г. Стебницкий писал из Парижа в 1863 году о том, что *должно было совершиться* в 1868 году, то есть *ровно за пять лет вперед!* Это он называет: “дополнить и исправить”. Но это, конечно, еще беда небольшая; известно, что наш читатель человек до крайности сговорчивый и заводит спор из пустяков не станет; рассказывайте ему все, что хотите, только бы было занимательно; начните ему рассказывать о Париже, он будет вас слушать, а вместо того сведите на неуважение к властям, он и на это согласен; даже это еще лучше, если хотите. На эту-то сговорчивость г. Стебницкий, как видно, и рассчитывал, дополняя и исправляя по мере надобности свои парижские письма» (*Щедрин Н. (Салтыков М. Е.)* Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. VIII. М., 1937. С. 369).

²⁰ Статьи из серии «Из одного дорожного дневника» в дальнейшем не переиздавались автором. Впервые переизданы: *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. М., 1996. С. 5–157. — Близкий по времени мемуарный фрагмент о путешествии 1862 г. см.: Там же. С. 276.

- «— Что ж, пусть увлекается, если хочет.
 — А вы будете бросать в нее камнями?
 — Зачем же?
 — Так уж заведено.
 — Я говорю о себе, а не о заведении. <...>
 — А можно ли, однако, по-вашему, прощать увлечения?
 — Прощать должно все, — отвечал священник.
 — Значит, вы извиняете женщину более, чем наши моралисты.
 — Извините, я сказал о прощении, а не об извинении.
 — Ах! я и не заметила этой тонкости»²¹.

Это различие остается нераскрытым в тексте статьи (в том числе и как характеристика все продолжающегося пустого разговора дамы, меняющей собеседников и стремящейся представиться эмансипированной²²), но оказывается одним из повторяющихся в разновременных текстах Лескова, получая развернутое толкование в его повести «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1875 г.), где мать объясняет сыну: «... прощение дается даром, по снисходительности того, кто прощает; а извинение вызывается причинами, которые заставляют не считать вину виною»²³.

Добравшись до Гродно, Лесков помещает зарисовку разговора с одним из местных польских литераторов, у которого он поинтересовался о положении дел с женской эмансипацией. Завершается разговор вопросом: нет ли хотя бы сочувствия «парижским бракам», на что следует ответ: «Наши женщины слишком знают жизнь и не поставят на карту ни себя, ни детей»²⁴. Разговор замыкается развернутой авторской репликой: «Диковинное дело! В половине варшавской чугулки уже не верят в социализм и не ждут счастья от брака вне брака. А по обоим концам Николаевской железной дороги немало людей, которые очень легко верят первому, и еще больше таких, которые ждут всего хорошего от второго. За Москву, к Курску в одну сторону и к Саратову в другую, над социализмом посмеиваются; но из трех дам, встречающихся в любой гостинной, одна непременно уверена, что все несчастья человеческого рода происходят от того, что существует брак, или, яснее выразиться, что женщина не может, по своему произволу, сходить и расходиться по

²¹ Там же. С. 9.

²² Разговор, как и первая запись дневника, завершается авторским замечанием: «Эта дребедень, однако, становилась утомительною. На пятой станции я нашел место в соседнем купе и заснул сном невинного младенца, оставив батюшку и немца на жертву представительнице нашей гнилой эмансипации» (Там же. С. 10).

²³ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. С. 99. — Чуть позже в той же повести возникнет и польская тема, в связи с поведением товарища главного героя, Пеньковского:

«— Да, к тому же он имеет несчастье быть поляком и потому заслуживает извинения, — подсадила тапан.

Помня недавний разговор о значении слов *прощать* и *извинять*, я тотчас же поспешил вдуматься: почему польское происхождение может заставить не только *прощать* пороки по милости, но даже извинять их по какому-то праву на снисхождение, и я решительно недоумевал, но матушка мне это тотчас разъяснила.

— Поляки потеряли свою самостоятельность, — продолжала она, а выше этого несчастья нет; все народы, теряя свою государственную самостоятельность, обыкновенно теряют доблести духа и свойства к его возвышениям. Так было с великими греками, римлянами и евреями, и теперь то же самое в наших глазах происходит с поляками. Это ужасный урок» (Там же. С. 104–105).

²⁴ Там же. Т. 3. С. 42.

первому желанию, не неся за это никакого упрека от общества. Нынешним летом я ехал в дилижансе по выходящему из Москвы шоссе. Со мною ехали три незнакомые, еще довольно молодые дамы. В разговорах мало-помалу оказалось, что все они замужем, и все не живут со своими мужьями. Сверх того, каждая из них еще вспомнила, по крайней мере, трех своих приятельниц, которые *тоже* с мужьями разъехались»²⁵.

Эта линия рассуждений, которая не раз еще всплывает и в листках «Из одного дорожного дневника», и в «Русском обществе в Париже», имеет по меньшей мере два ракурса²⁶. Во-первых, это прозрачное противопоставление добрых, с точки зрения автора, нравов, крепости быта, присущих польскому обществу, и расшатанности русской жизни (где вспоминается существенно более поздняя, из «Подростка», формулировка Достоевского о «случайном семействе»). Во-вторых, это становящаяся сквозной тема о непонимании между русским и польским обществами, о симпатиях к Польше, распространенных среди радикалов, которые при этом не только не предполагают взаимности, но и существуют в условиях, если не совершенно различных, то сильно отличающихся представлений о должном и желанном.

В другой небольшой зарисовке о Гродно, говоря о городском обществе, Лесков характеризует литературную осведомленность местных литераторов, употребляя в качестве синонима слово «поляки»: для него городская образованная среда условно выступает как «польская». Он останавливается на знакомстве гродненских литераторов с русской литературой и фиксирует свое удивление оригинальным, неожиданным подбором имен: «Из уст здешних литераторов я слышал имена Пушкина, Лермонтова, Кольцова (!), Гоголя, Шевченки, Герцена, Кохановской и Чернышевского. О других ни слова: ни Тургенева, ни Белинского, ни Некрасова, ни Островского, ни Марка Вовчка здесь не вспоминают, а о людях, занимающих второстепенные и третьестепенные амплуа в нашей литературе, — и говорить нечего»²⁷. Впрочем, удивление это — скорее риторический прием, поскольку следом автор замечает, что схожая рассинхронизация и различие акцентов наблюдается и в русском представлении о польской литературе: «у нас едва десятый знает два стиха из Мицкевича да слышал о существовании Корженевского, Крашевского, Ордынца или Сырокомли»²⁸. Однако отношения литератур не носят характера взаимности: если среди польского общества «каждый что-нибудь да знает о русской литературе», то обратного знакомства русской публики с польской никак нельзя предполагать²⁹.

²⁵ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 42.

²⁶ Обратим внимание на связь социализма и преобразований личной жизни, имевших принципиальное значение для 1860-х гг. См., например: Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929. Д. Л. Мордовцев в своем романе «Знамения времени» (опубликован в 1868 г. в журнале «Всемирный труд»), одном из пост-нигилистических романов, посвященном обсуждению итогов 1860-х и возможности новых путей, устами сразу двух главных героев отмечает забвение «женского вопроса». И вместе с тем в финале романа ключевая проблема, стоящая перед героем и его возлюбленной — пойти ли, в соответствии с убеждениями, на невенчаный брак, или же обвенчаться, вопреки убеждениям, но защитив тем самым детей от статуса «незаконнорожденных». Проблема решается автором лишь посредством того, что он стремительно избавляется от героини при помощи скоротечной чахотки. См.: Мордовцев Д. Л. Собр. соч.: в 14 т. Т. 14. М., 1996. С. 542–544.

²⁷ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 17.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Тема непонимания, расхождения тут же углубляется, и вместе с тем стороны совершают поворот (по сравнению с литературной осведомленностью): «Поляки никак не разрешат себе, что хотят наши “нетерпеливцы” и на что надеются “постепеновцы”»³⁰. Напротив, «что мы верно понимаем, так это направление польской периодической литературы»³¹. Среди этой разновидности литературы Лесков констатирует «редкое единодушие», где не будет особенного различия по существу даже между изданиями подцензурными и бесцензурными: «Это, конечно, должно рассматриваться не безотносительно, а в связи с известными обстоятельствами, сосредоточивающими все помыслы страны на немногих известных вопросах. Изменение обстоятельств, вероятно, и в польской литературе поселит своего рода раскол, который водворился в литературе *постепеновцев* и *нетерпеливцев*»³². В косвенной форме Лесков констатирует (датируя отрывок 10-м сентября 1862 г.) ситуацию национальной мобилизации, попутно противопоставляя этому русскую ситуацию, где полемика начала 1860-х далека от более или менее конкретных политических позиций (и выражает скорее род эмоционального настроения, чувств).

Доехав до Пинска, Лесков делает предметом своих наблюдений мелкую шляхту и замечает: «люди очень смешные своими притязаниями и очень, очень жалкие»³³. Отмечая разнородность, многообразие проявлений и делая оговорку о достойных, Лесков теперь останавливается на отталкивающем и не пугающем лишь в силу своего ситуативного бессилия: «Польское происхождение и католичество в их глазах — какая-то особенная заслуга, с которою они носятся, как дураки с писаною торбою, тыкая ее в глаза всем и отмахиваясь ею от зловредного смешения с самарянами. Гг. NN оставляют заезжего гостя в своем доме без пищи только потому, что он не поляк; г-жа ХХ отказывает евреям своего местечка в лекарстве, говоря, что “вы нашего Христа распяли”. <...> И идет этот патриотическо-католический прюдеризм так далеко, что даже некоторые поэты польского происхождения не понимают, какая мерзость может из всего этого вырасти...»³⁴

В Пинске же на контрасте Лесков утверждает, что здесь «польский элемент, благодаря панам и ксендзам, утратил всякое народное сочувствие»³⁵ в отличие от Гродно, где ему «не удалось заметить ни симпатий, ни антипатий к польскому или к русскому элементу. В них есть какой-то странный индифферентизм, как бы следы апатии, заносимой из Литвы с северным ветром»³⁶. Он продолжает: «“Gazeta Narodowa” и некоторые другие заграничные польские издания напрасно ищут причин некоторых столкновений народа с панами в разных подстрекательствах, производимых людьми, враждебными польской народности. Конечно, трудно разуверить кого бы то ни было в том, что крепко засело в голову; но если бы польские органы вникли в дело поближе, побеспристрастнее; если бы они дошли до спокойного состояния, в котором *русский народ* и его настоящие отношения к полякам сдела-

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 112.

³⁴ Там же. С. 112–113.

³⁵ Там же. С. 116. И следом уточняет: «Говоря о польском элементе, я, разумеется, говорю о панстве, потому что полячество пинчуками не понимается отдельно от панства и панство отдельно от полячества» (Там же).

³⁶ Там же.

лись им ясными, то они поняли бы, что не враги польской народности вооружают против нее крестьян, между которыми живут католические помещики, а что дело это — творение рук приятельских, рук, которые еще памятливы “хлопам”»³⁷.

Польская тема первоначально не задумывалась, надобно полагать, как сколько-нибудь центральная в серии очерков «Русское общество в Париже». В третьем своем письме Лесков замечает: «Когда я писал первое письмо о русском обществе в Париже, я думал второе письмо написать совсем не так, как я его написал; а написавши второе, я уже совсем не рассчитывал писать третье»³⁸. В этом зачине можно, разумеется, увидеть акцент на эпистолярный характер текста, при этом обращенного к хорошему знакомому, не к читателям (которые оказываются лишь свидетелями переписки), а к конкретному лицу — редактору журнала. Но примечательно, что этот фрагмент оказался не снят при существенной переработке текста для издания 1867 г., в то время как ряд других фрагментов, даже менее эпистолярных, как раз отменяющих условность обращения к редактору и адресующихся к публике, были устранены³⁹. Остался в тексте и набросанный план второго письма, который целиком так и не осуществился, однако его элементы нашли свое место в составе третьего. Даты, стоявшие под первой публикацией писем, дают, как нам думается, намного более достоверное объяснение содержанию приведенного выше пассажа, открывающего третье письмо, и указание на отличие содержания второго письма от того, как мыслил его автор, начиная цикл. Под вторым письмом при первой публикации было означено: «Санкт-Петербург. 25 июня 1863 года», а под вторым — «Рига. 20 сентября 1863 года»⁴⁰. Первое письмо целиком соответствует общему названию цикла — это действительно рассказ о «русском обществе в Париже», о слоях и группах, его образующих, о нравах русских парижан и т. п. Напротив, второе письмо во многом, а еще в большей мере письмо третье в первоначальной редакции оказываются проникнуты польской темой и сюжетами, связанными с отношениями разных славянских народов. Материалом для этого становится Париж, но далеко не он один. Автор также обращается к своим наблюдениям, вынесенным из Праги и из длинного путешествия по землям северо-западных губерний, Царства Польского и Галиции. Польская тема, если и не закрытая, то во многом уже обсужденная в листках «Из одного дорожного дневника», выходит на передний план в сильно измененной как авторской, так и читательской перспективе после начала Январского восстания 1863 г., связанного с ним дипломатического кризиса 1863 г., а также стремительных перемен в умонастроениях русского общества.

Во втором письме Лесков особо подчеркивает свое владение польским языком и то, что кроме него никто не знал по-польски, чтение им краковской газеты “Czas”⁴¹. Обладавший знанием и пониманием, отличным от обыденного, тем самым он обосновал свое право выносить суждения о поляках. Польская тема во втором и третьем письмах включает в себя несколько основных линий. Прежде всего — это

³⁷ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 116.

³⁸ Там же. С. 274.

³⁹ Например, были вычеркнуты строки, заканчивавшие в «Библиотеке для чтения» второе письмо: «Не довольно ли, однако? Устал. Хорошо или дурно исполнил я мои обещания — пусть читатели извинят. Пословица говорит: “Обещания даются по надеждам, а исполняются по обстоятельствам”» (Там же. С. 648–649).

⁴⁰ Там же. С. 649.

⁴¹ Там же. С. 252. Ср. также: С. 264–266.

патриотическое возбуждение, овладевшее после начала Январского восстания частью русской молодежи в Париже («латинцев», т. е. обитателей Латинского квартала), в том числе и теми, кто оказался там в эмиграции⁴²: «*Солидарность* полнейшая и решительная <...> выразилась один раз, когда Ш. впервые изложил ясно заявленные газетами покушения на раздробление России с северо-западной стороны и с Украины... “Домой! Домой ехать! — заговорили все. — Этому не бывать; это уже через край хвачено”»⁴³.

Другой заметной линией выступает уже собственно характеристика польского общества, польского отношения к русским. И здесь польское выступает в своей двойственности — сторонении от русского⁴⁴ и одновременно вызывающем всяческое одобрение Лескова презрении к тем русским, кто «куртизанствует перед Польшею»: «К чести поляков должно сказать, что они никаких изменников своей национальности не уважают, и если изменникам влиятельным льстят и называют их и почтенными, и либеральными, и просветленными, то всю русскую мелюзгу, заигрывающую с Польшею, прямо и откровенно презирают»⁴⁵.

Лесков косвенно возвращается к обозначенной в листках «Из одного дорожного дневника» теме единства польского общества, но теперь она выступает в негативном ключе как исключительная редкость той линии поведения, которая вызывает у него симпатию. При этом он дает обстоятельную обрисовку такого исключения, тем самым лишая картину однородности, утверждая преобладающий фон, который не остается единственным цветом: «Почтенного профессора Ходзько не хвалит молодая польская партия за его сочувствие панславизму и совершенно спокойное чтение лекций; но все-таки очень многие и из самых молодых людей уважают его как прекрасного человека. Старик встречает поляков, сербов, чехов и русских всегда очень мило, приветливо и необыкновенно радушно. Он представил меня своей жене, и я провел один очень приятный вечер в его почтенном и прелестном семействе. Здесь в тот вечер был чешский поэт Фрич (впоследствии мой хороший приятель) и серб Светоза Антич. Разговор шел о судьбах славянства, и, не помню как, здесь же мы задумали и решились взяться за издание в Париже общеславянского словаря, которого еще до сих пор нет. Старый профессор согласился принять главную редакцию этого издания и польский отдел, а мы, каждый, отдел своего родного языка. Чтобы издание это было пригодно и для иностранцев, первую колонну хотели писать французскую, вторую русскую, третью польскую, потом сербскую и чешскую. Нейтральный язык, на котором мы все, кроме Антича, говорили в этот вечер, был родной язык хозяина, т. е. польский. В этот вечер я видел первого поляка-панслависта и никогда его не забуду и отовсюду шлю ему мой привет и почтение его честным седидам»⁴⁶.

Терпимость и умеренность, приветливость и широта взгляда оказываются не только чертами хозяина, но и автора, свободного от национальной исключительности, для которого польский язык не увязывается в один узел с текущим полити-

⁴² В особенности показателен эпизод с Сахновским (см.: Там же. С. 253–257). В нем, кстати, возникает в целом отсутствующая в очерках тема «[слепых] орудий польской партии» (Там же. С. 255).

⁴³ Там же. С. 253.

⁴⁴ Там же. С. 298.

⁴⁵ Там же. С. 297. Ср. также: С. 305.

⁴⁶ Там же. С. 259–260.

ческим противостоянием, а собравшиеся славяне, включая хозяина, не спорят по поводу порядка расположения языков.

В третьем письме тема славянства получит развитие в отдельной главке под названием «Парижские чехи», где, в частности, говорится: «Воспитанные в духе неустанной оппозиции немецкому элементу и изведавшие тяжелым опытом свою несостоятельность собственными силами сбросить ненавистное для них... иго, они постоянно мечтают о свободной федерации и никогда не сомневаются в ее возможности. Поэтому чехи ласкают не одних русских, но и поляков, и сербов, и болгар, — словом, всю славянщину. Поляки же не любят идеи свободной, равноправной федерации, называют чешские надежды “наивными мечтами” и никогда не упускают случая посмеяться над их стремлениями к достижению смешной и, по мнению поляков, несбыточной “slawianskiej wzajemnosci”»⁴⁷.

Ретроспективно оценивая изменение своих взглядов, Лесков начинает с замечания, что «провел половину... юности в польском кружке»⁴⁸ и благодаря этому в польском обществе «всегда умел брать себе положение довольно удобное и избегать щекотливых вопросов»⁴⁹. Он продолжает: «В 1862 году я не был свободен от той сентиментальности, которую тогда почти все у нас соблюдали по отношению к наплевавшей нам за наши добрые чувства Польше. Сентиментальности этой во мне не было, пока я десять лет жил в заднепровской Украине; обзавелся этою сентиментальностью я здесь, в некоторых кружках Петербурга, и жил с нею долгонько, а может быть, дожил бы с нею и до сих пор, если бы видел и знал не более, чем многие другие. Петербургская сентиментальность по отношению к Польше во мне впервые поколебалась во Львове и совсем исчезла в Париже»⁵⁰.

Тем более примечательно, что патриотический пафос, идущий по нарастающей на протяжении нескольких страниц⁵¹, внезапно обрывается иронией и упреком: «Дорогая родина моя! Прости мне мою измену, мою зависть к злейшим врагам твоим! Созерцая дам твоей холодной столицы, я никогда не могу без зависти вспоминать красоту женщин знакомых мне самых маленьких городков Польши и, слушая умные речи некоторых твоих официальных людей, не могу не завидовать горячему и простому патриотизму усатого застенкового польского шляхтича. От первой зависти моей я надеюсь скоро освободиться, потому что зоркий глаз скоро уже станет замечать серебряные нити, начинающие сверкать в висках моих; но вторая... Боюсь, что мне не суждено дожить до того, чтобы увидеть в людях страны моей столько же любви к существующей России, сколько есть этой любви в сердце каждого поляка для его несуществующей Польши»⁵².

Впрочем, о «Польше» Лесков старается не судить. В этом проявляется, полагаем, его здравомыслие: резонно избегать судить о предмете, который практически

⁴⁷ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 314.

⁴⁸ Там же. С. 276.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 277. Ср.: «...такова повсеместная доля поляков: в Орле и в Калуге их спокойнее сносят, чем в Чернигове и в Киеве, а в Петербурге с ними даже амуруются. Свести у себя за границу поляка с галицким русским — это чистая напасть. Бурнопламенный русин обыкновенно мало сдерживается и непременно расплещется с поляком до непереносимости и не поцеремонится сказать, что ему москаль в семь раз лучше и милее, чем вся Польша» (Там же. С. 315).

⁵¹ Там же. С. 277–280.

⁵² Там же. С. 282.

не знаком, встреча с которым ограничена представителями польского образованного общества и отчасти наблюдением извне за польскими работниками-эмигрантами в Париже. Тем не менее его публицистические суждения о поляках схематично можно подразделить на четыре группы:

— во-первых, определение тех качеств, которых, по мнению Лескова, прямо либо косвенно высказанному, не хватает русским: понимания значения собственности, свободы от социалистических увлечений, бескомпромиссности в трактовке женского идеала и пр.⁵³;

— во-вторых (во многом в продолжение первого), то, что представляет в конкретных обстоятельствах или в целом угрозу для России и русского, но что само по себе является добродетелью: например, национальное единство, способность к поддержанию общественной организации, взаимовыручка за границей;

— в-третьих, недостатки или пороки, от отсутствия демократизма до тщеславия; сюда же, видимо, следует отнести (судя по интонации Лескова) и чуждость идеям «славянской взаимности», влечению к «славянской федерации»⁵⁴;

— в-четвертых, конкретные безоценочные культурные, политические, бытовые особенности, являющиеся своего рода антропологической фиксацией людского разнообразия, интереса к другому, который важен именно как другой, своей инаковостью.

Думается, что последний фактор — это то, что осталось для Лескова неизменным с рубежа 1840-х и 1850-х гг., когда он овладевал польским и учился ценить польскую литературу, прежде всего (если не исключительно) в ее романтическом изводе, от Юлиуша Словацкого и Адама Мицкевича до Сырокомли, творчество которого оказалось ему очень близким, если судить по теплоте его отзывов⁵⁵. Впрочем, в статьях 1862 г. есть и места, которым уже не найти соответствий в тексте «Русского общества в Париже», сближающие русское и польское в общем славянстве как в общей нелепости, несуразности жизни: «Посмотришь на поляков, посмотришь на себя, сообразишь чванство мурмолок, косых воротов и цветных ластовиц; взглянешь в киченье широких лакированных поясов с эмблематическими пряжками, и хочется, крепко хочется спросить и тех, и других:

Какую же мысль собою вы отстояли?
Посеяли какие семена?..

Зайдет у евреев трехдневный праздник — сидят три дня с черствым хлебом; не вздумает мудрый немец издать в опрятной папке “Europäisches Russland” — не достанут дешевле 18-ти рублей подробной карты родного края. А слова! Кто сговорится с нами?

На словах — соколиный полет.

---

⁵³ К этому перечню, например, можно добавить вежливость и изящество внешних форм быта, обхождения: «...писали, что наши петербургские актеры наехали в Варшаву, так первым делом всех служащих панн из ресторанов своим карячеством повыгоняли» (Там же. С. 218).

⁵⁴ Там же. С. 314, 316.

⁵⁵ См.: Там же. С. 12–14.

Слово мысль обгоняет, друг другу выговорить не дадут, от нетерпения захлебываются патриотизмом, в азарт от славянства лезут... Проснись, Тарас Григорьевич! Скажи им еще раз своими честными устами:

Славяне! Славяне!
Славных прадедов великих
Правнуки погани»⁵⁶.

Лесков пришел в литературу уже зрелым человеком. Первые его статьи относятся к 1859 г., когда ему было 28 лет и за плечами уже была насыщенная и нелегкая жизнь⁵⁷. Заметным среди «своих» публицистом он сделался в 1862 г., когда он стал одним из главных авторов обновленной «Северной пчелы». И в том же году, но уже на его исходе, 31-летний Лесков пишет свой первый рассказ «Овцебык». На этом стоит остановиться, поскольку в этом произведении отразились если не все, то многие из его последующих главных тем, начиная с нигилизма и заканчивая «рассказами о праведниках». Речь не о каком-то раннем предвосхищении, а о том, что Лесков сделался публицистом и писателем. Уже сформировавшийся литератор, он не «вырабатывал мировоззрение» в процессе публичного письма (так, что за эволюцией воззрений могла бы наблюдать публика), он уточнял, искал форму, обретал точность, но не менялся радикально. Он пришел в литературу, уже будучи тем Лесковым, каким мы его знаем. В движении времени менялись его конкретные суждения и оценки, но мировоззренческие основы оставались стабильны. Не случайно в «Овцебыке» можно найти сложное отношение к бытовому православию и церкви, не случайно для одних авторов «Овцебык» будет первой и развернутой критикой нигилизма⁵⁸, а для других — первым шагом к повествованиям о праведниках⁵⁹, которые сам Лесков затем соберет во 2-й том прижизненного собрания сочинений. В этом, на наш взгляд, нет противоречия, поскольку обе темы оказываются слиты в его восприятии, предстают двумя ракурсами одного, когда «честный нигилист» переходит в христианскую праведность, а поиск праведности оборачивается не просто готовностью, но желанием все принести если не в жертву, то избавиться от всего, отбросив все, что мешает.

И на этом фоне польская тема оказывается особенно любопытной, поскольку здесь, как отметит сам Лесков уже в 1867 г., его взгляды успеют измениться. Точнее, он получит (вместе со значительной частью русского образованного общества) новый опыт и новые вопросы, которые ранее просто не существовали для него, о чем он не задумывался. В результате кризиса 1861–1862 гг., а затем и Январского восстания польская тема, в том числе представление Лескова о национальной территории, внезапно наполнится конкретным эмоциональным содержанием, возникнет аффективная связь⁶⁰ и ее осознание.

⁵⁶ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. С. 103.

⁵⁷ Нелегкой жизнь писателя была в том числе и по его собственной вине. Лесков в раннем возрасте оставил гимназию, недоучившись. Поступив на службу, он в скором времени обнаружил, что служить с XIV класса — значит всю жизнь пробыть не просто на младших должностях с нищенским окладом, но и заниматься делами, не представляющими никакого интереса, среди людей, не соразмерных тебе.

⁵⁸ Троицкий Ю. В. Н. С. Лесков. Начало пути. Истоки творчества. М., 2015. С. 45–56.

⁵⁹ Столярова И. В. В поисках идеала. (Творчество Н. С. Лескова). Л., 1978. С. 45 и сл.

⁶⁰ См.: Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М., 2017.

References

- Boborykin P. D. *Vospominaniia*, vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaia literatura Publ., 1965, 567 p. (In Russian)
- Bogaevskaia K. P. Khronologicheskaiia kanva zhizni i deiatel'nosti N. S. Leskova. *Leskov N. S. Sobranie sochinenii*, vol. 11. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958, pp. 799–834. (In Russian)
- Bogdanovich T. A. *Lyubov' lyudei shestidesiatykh godov*. Leningrad, Academia Publ., 1929, XI + 445 p. (In Russian)
- Fedotova A. A. "Trudnyi rost": *retseptsia v proze N. S. Leskova*. Iaroslavl', Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo Press, 2018, 342 p. (In Russian)
- Koz'min B. P. Artel'nyi zhurnal "Vek" (1862 g.). *Russkaia zhurnalistika*, vol. 1. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1933, pp. 19–52. (In Russian)
- Kotel'nikov V. A. Mezhdū arenoi i panteonom: N. S. Leskov v kritike 1890-kh — 1910-kh godov. *N. S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii: Akim Volynskii. N. S. Leskov. Aleksandr Izmailov. Leskov i ego vremia*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2011, pp. 2–34. (In Russian)
- Kucherskaia M. A. *Leskov: Proziiovannyi genii*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2021, 622 p. (In Russian)
- Leskov A. N. *Zhizn' Nikolaia Leskova po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisiam i pamyatyam*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984, 479 p. (In Russian)
- N. S. Leskov v vospominaniakh sovremennikov* / sost., podgot. teksta, publ. vospominanii O. A. Fribes, A. E. Zarina i E. I. Zarinoi, komment. L. I. Soboleva; publ. fragmentov dnevnika S. I. Smirnovoi-Sazonovoi i komment. k nim L. S. Danilovoi i V. V. Sominoi; predisl. A. M. Ranchina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, 832 p. (In Russian)
- Rolf M. *Pol'skie zemli pod vlast'iu Peterburga: Ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 576 p. (In Russian)
- Shchedrin N. (Saltykov M. E.) *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. VIII. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1937, 559 p. (In Russian)
- Stalyunas D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, 376 p. (In Russian)
- Stoliarova I. V. *V poiskakh ideala. (Tvorchestvo N. S. Leskova)*. Leningrad, Leningrad University Press, 1978, 231 p. (In Russian)
- Stolyarova I. V. Leskov i Herzen (Neizvestnye stat'i Leskova o Herzene v gazete "Birzhevye vedomosti", 1869–1870). *Leskov i russkaia literatura*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 165–181. (In Russian)
- Teslya A. A. Mif ob iezuitah v otsutstvie iezuitov. *Logos*, 2017, no. 4, pp. 47–64. (In Russian)
- Teslya A. A. Poliaki, iezuity, evrei i "mif o zagovore": evolyuciia "opasnogo drugogo" v slavianofil'stve. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 2 (162), pp. 187–206. (In Russian)
- Teslya A. A. Soprotivlenie poetike svoego vremeni. *Istoricheskaiia ekspertiza*, 2022, no. 1, pp. 383–386. (In Russian)
- Troickij Yu. V. *N. S. Leskov. Nachalo puti. Istoki tvorchestva*. Moscow, Institut mirovoi literatury im. A. M. Gork'ogo RAN Publ., 2015, 272 p. (In Russian)
- Yack B. Nationalism and the Moral Psychology of Community. Rus. ed. Moscow, Gaidar Institute Press, 2017, 520 p. (In Russian)
- Vidueckaya I. P. [Preambula k kommentariiu k "Soborianam"]. *Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 11. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2012, pp. 595–615. (In Russian)
- Viduetskaia I. P. Traditsii Herzena-khudozhnika v tvorchestve Leskova. *Herzen — myslitel', pisatel', boets*. Moscow, Gosudarstvennyi literaturnyi muzei Publ., 1985, pp. 89–98. (In Russian)
- Viduetskaia I. P. Leskov o Herzene. *Problemy izucheniia Herzena*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, 1963, pp. 300–320. (In Russian)
- Volynskii A. L. *N. S. Leskov*. St. Petersburg, Epokha Publ., 1923, 220 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 9 марта 2023 г.

Рекомендована к печати 17 июля 2023 г.

Received: March 9, 2023

Accepted: July 17, 2023